

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-61-1-198-203

«ПАМЯТЬ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ЖИЗНИ...»

С. М. Фомин

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Рецензия на работы: *Кирнозе З. И. Французский роман XX века. Годы 20–30-е. Проблемы жанра. Монография.* 2-е изд., испр. и доп. Н. Новгород: НГЛУ, 2022. 330 с.;
Лихтерман Л. Б. Здесь-13. М.: ИФ «УНИСЕРВ», 2022. 440 с.

«Память как продолжение жизни...». Эта цитата, взятая из книги Л. Б. Лихтермана, посвященной жене З. И. Кирнозе, в полной мере отражает суть рецензируемых текстов.

В истории Нижегородского лингвистического университета, который отметил свой 105-летний юбилей, доктор филологических наук, профессор Зоя Ивановна Кирнозе занимает особенное место. 11 ноября 2022 года ей исполнилось 90 лет, а 14 ноября в НГЛУ состоялось чествование выдающегося педагога и ученого, личности поистине ренессансной. Только по-настоящему яркий специалист мог стать заслуженным деятелем науки РФ, что крайне редко случается в области литературоведения. Зоя Ивановна — блестящий преподаватель, чей талант был отмечен Министерством науки РФ престижной медалью К. Д. Ушинского. За большой вклад в углубление российско-французских связей она была удостоена редкой в России награды: французского ордена Академических пальм — за заслуги в народном образовании и распространении французской культуры.

Празднование юбилея З. И. Кирнозе в нижегородском иньязе собрало тех, кто так или иначе оказался связан с выдающимся ученым и педагогом: ее многочисленные аспиранты и докторанты, члены созданной ею в 1980 году кафедры зарубежной литературы, администрация университета. Все вместе подготовили очень важный для Учителя подарок — переиздание ее монографии «Французский роман XX века», которая увидела свет в далеком 1977 году в г. Горьком.

Не менее ценный подарок к знаменательной дате преподнес Зое Ивановне Леонид Болеславович Лихтерман, выпустивший 13 том научно-популярной серии «Здесь», которую он публикует с 2005 года. Большая часть этой книги посвящена воспоминаниям юбиляра (1932 г. р.), о чем свидетельствует трогательное посвящение «Моей Зое».

Как и Зоя Ивановна, Леонид Болеславович Лихтерман не нуждается в презентации. Выдающийся врач работает главным научным сотрудником — неврологом Национального медицинского исследовательского центра нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко в Москве. Заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии и премии правительства страны, он — член многочисленных академий, лауреат многих премий, которыми отличают врачей России. Вместе с тем Л. Б. Лихтерман, кроме учебников, монографий и статей по своей специальности, пишет художественную прозу и стихи, статьи для журналов и газет, киносценарии.

Между этими текстами лежит целая эпоха. Монография Зои Ивановны была издана еще в советское время на газетной бумаге и в «малом» формате в конце семидесятых. Сборник «исканий и публицистики» (именно так определил жанр ее автор) Леонида Болеславовича издан в 2022 году и представляет собой выдающийся образец полиграфического искусства. Но их многое объединяет. И это не только родственные узы авторов, но и желание зафиксировать эпоху, которая совпала с биографическим временем четы Лихтерман-Кирнозе. Разница лишь в объекте исследования и лирической интонации текстов: З. И. Кирнозе исследует философские, исторические, эстетические характеристики французского романа XX века, преломленные через личный опыт исследовательницы, а в сборнике Л. Б. Лихтермана — биография его автора, вся жизнь которого — служение науке и Музе. И если создатель «Французского романа XX века» ограничен рамками научного текста, то «непроявленный» жанр книги Л. Б. Лихтермана предоставляет ему неограниченную свободу: тут органично сосуществуют письма, рецензии, публицистические и научные статьи (например, «Проблемы восстановительного лечения больных в вегетативном состоянии» или «Этические дилеммы нейрохирургии»), интервью и мемуары.

Его «Здесь — 13» представляет собой дополнительный и очень ценный ключ к пониманию феномена З. И. Кирнозе, так как именно в ее монографии «Французский роман XX века» ощущается истинный масштаб личности автора, а сама книга в свернутом виде содержит концепцию всего ее творчества.

Очевидно, что спустя 45 лет после публикации произведение о 20–30-х годах во французской культуре стала библиографической редкостью, но не стала историей литературы. Несмотря на то что монография заслуженно отнесена к литературоведческой классике, работа и сегодня вдохновляет исследователей литературы, так как предлагает оригинальные, как принято сегодня говорить, стратегии научного поиска. Любому, кто знаком с научным наследием З. И. Кирнозе, очевидно, что ее труд интересен не только специалистам. Прежде всего он обращен к широкой читательской

аудитории, причем аудитории молодежной. Это редкий случай гармонии смысла и формы, нечасто встречающийся сегодня в научных текстах.

И, действительно, З. И. Кирнозе в полной мере реализовала заветы своих великих учителей Т. Л. Мотылевой, М. Е. Елизаровой, Н. П. Михальской и прежде всего Б. И. Пуришева, утверждавшего, что «темный» стиль в научном трактате умаляет достоинства самого гениального исследования. «Кто ясно мыслит, ясно излагает» — это и про научный стиль З. И. Кирнозе, и про монографическое исследование «Французский роман XX века. Годы 20–30-е. Проблема жанра».

Многие писатели, литературное творчество которых исследуется в монографии З. И. Кирнозе, мало знакомы читательской аудитории, хотя некогда слыли непререкаемыми авторитетами. Прижизненные классики французской литературы Р. Роллан, А. Жид или Р. Мартен дю Гар стали лауреатами Нобелевской премии по литературе. Имена модных в свое время авторов Ж. Грина, Ж. Бернаноса или М. Жуандо могут сегодня оказаться, пожалуй, только в узкоспециальных диссертационных исследованиях.

Исключением из этого списка повезло стать только Ф. Мориаку, чьи тексты, как показывают опросы, знакомы и высоко оцениваются даже молодежной аудиторией. Его творчество и вклад в мировую художественную культуру описаны в монографии З. И. Кирнозе.

Когда в г. Горьком готовилась публикация З. И. Кирнозе, ее автор понимала, как непредсказуема судьба даже самого известного писателя и как иногда время несправедливо расставляет акценты. Труд З. И. Кирнозе открывается размышлениями о так называемой литературной классике: «Понятие “классика”, употребляемое применительно к современности, всегда зыбко. Но и притягательно. Не только для писателей, но и для тех, кто живет в одно время с ними: присутствие рядом живого классика придает ощущение значительности собственной жизни <...>. Случается, понятно, увенчание лаврами не по заслугам. Причины, имеющие недвусмысленно тенденциозный характер, частные антипатии или добросовестные заблуждения приводят к тому, что пропорции искажаются, художественная ценность книг оказывается лишь предлогом, и шумный интерес в читательской среде быстро сменяется забвением» (Кирнозе 1977: 12). Очень верное замечание, потому что присутствие в судьбе большого ученого Зои Ивановны Кирнозе придает ее коллегам ощущение значимости и масштабности собственной жизни. Это ее многочисленные ученики по всему миру, аспиранты и докторанты, составившие в итоге знаменитую на всю страну научную школу.

По мнению З. И. Кирнозе, новые обстоятельства могут «вернуть к жизни» забытых классиков. Так происходит в наше время, например, с

Р. Ролланом и «бурными гениями» его текстов: современность опять остро нуждается в титанах, достойных подражания. Возвращается интерес к А. Жиду с его разоблачениями «фальшивомонетчиков», густо населяющих мир потребления и чистогана. Все, о ком пишет в монографии З. И. Кирнозе, пытались предупредить будущих читателей о наступлении эры «лжецов» и о том, что их окончательная победа обернется концом цивилизации.

Монографию открывает глава, посвященная классика французской литературы XX столетия Ф. Мориаку. Это «любимчик» З. И. Кирнозе, вся научная жизнь которой оказалась тесно связана с личностью автора «Терезы Дескейру». Именно горьковский ученый-литературовед создает русскую (советскую) концепцию художественного мира создателя «Фарисейки», которая не отделяла Мориака-человека от Мориака-писателя. Автор монографии справедливо утверждает, что невозможно переоценить его вклад в мировую художественную культуру: «Мориак нашел свой собственный угол зрения на вечные проблемы, а, следовательно, и свои принципы психологического анализа, построения сюжета, композиции, свой стиль» (Кирнозе 1977: 40).

Начало российско-французским исследованиям «планеты Мориак» было положено программным выступлением З. И. Кирнозе на международной конференции в Париже с докладом о Достоевском и Мориаке (Kirnozé 1997). Тема была подсказана двумя великими мориаковедами: Андре Сеайем и автором классической «критической биографии» писателя Жаном Лакутюром (Lacouture 1980).

Было бы несправедливым не отметить отдельно небольшой очерк «Франсуа Мориак» З. И. Кирнозе, опубликованный в 1970 году в московском издательстве «Высшая школа», на который она опиралась в процессе подготовки парижского доклада. Он познакомил советского читателя с нобелевским лауреатом. Писатель предстает в нем «метафизиком в оболочке реальности», которому удалось создать особый тип романа, совмещающий в себе классическую традицию и новаторство современников. В нем Мориак стремится по-новому «осмыслить сферу захолустного провинциального быта, “высветить” через него прежде затемненные стороны человеческой психологии и добиться нового эстетического эффекта в соединении элементов публицистики и лирики, которые пронизывают самую ткань мориаковской прозы» (Кирнозе 1970). Этот текст З. И. Кирнозе также ожидает своего возвращения в научный обиход.

Нижегородская школа, таким образом, сконцентрировалась на изучении мориаковской тематической триады, сформулированной им самим еще в 20-е годы: «Человек и Бог», «Человек и Совесть», «Человек и Любовь». В этом замкнутом круге Бог, Совесть и Любовь предстают синонимами тра-

гического восхождения человека к свету из бездны пороков и страстей. По большому счету, творчество всех остальных писателей, ставших героями научного поиска З. И. Кирнозе, связано с этой триадой и их размышлениями о трагической судьбе поколения, к которому они принадлежали.

Роллан и Жид, Лакретель и Мартен дю Гар, Грин и Бернанос, при всей внешней «несхожести», близки друг другу духовно: их творчество иллюстрирует мысль о диалогичности культуры, почерпнутую З. И. Кирнозе у М. М. Бахтина. Важна и другая идея М. М. Бахтина, которая формулирует мысль о диалогических взаимоотношениях участников дискуссии: идея «услышанности» как непреложного условия реализации судьбы человека. Все герои книг французских классиков пытаются быть услышанными, правда, без особой надежды на положительный результат. Эта мысль скрепляет обширное наследие писателей, которые призывают читателя вспомнить о Душе. Их герои «осознают, что какая-то часть их существа знает, что есть Зло и что они могли бы его не творить. У всех у них есть ясное ощущение, что они ответственны за свои поступки и что поступки эти отзовутся в других поколениях» (Мориак 1997: 462).

Авторы, ставшие героями монографии З. И. Кирнозе, так или иначе, оказались связаны с жанром семейной хроники, которая, как правило, «включает события жизни двух-трех поколений, что и позволяет проследить общие закономерности, проявляющиеся и физиологически, и социально, и психологически, и определяющие характер случайностей — все, что становится судьбой человека, судьбой рода» (Кирнозе 1977: 158). Однако мода на жанр семейной хроники сегодня прошла, хотя он не умер. Он «растворился» в сложных структурных формах, которые сегодня называются термином «литература нон-фикшн». А произошло это потому, что наш современник утратил желание формулировать общие законы, обратив свой взор на случайности, то есть то, что принято называть девиантным поведением и аберрациями.

В монографии З. И. Кирнозе есть ценные замечания о соотношении эпического и лирического в творчестве современных писателей, об импрессионистичности литературы XX столетия, о соотношении биографического и художественного в литературном тексте.

Взаимовлияние авторов рецензируемых книг очевидно. В монографии о французском романе XX века часто встречаются сравнения из медицины и психологии. В некоторых художественных зарисовках Л. Б. Лихтермана явственно ощущаются интонации Зои Ивановны. Есть что-то общее в их поэтических штудиях и художественных текстах. Объединяет их и сборник воспоминаний З. И. Кирнозе «Былое-живое», который она опубликовала в дни своего восьмидесятилетнего юбилея в 2012 г. В нем Зоя Ивановна

намеренно избегает прямого разговора о себе и близких. Она повествует прежде всего о других важных для нее встречах. На последних страницах этой книги читатель обнаружит фотографию счастливого семейства (мама, папа, сын Болеслав) и финальное обращение к читателю: «Память лукава. И все же только благодаря ей былое остается живым <...> Но былое остается живым не только в памяти. Придавая былому смысл, мы не даем ему уйти в небытие. “В деянии начало бытия”, — сказал Гете. Для меня такими деяниями стали создание семьи, организация кафедры зарубежной литературы в иньезе, изучение филологии» (Кирнозе 2012: 375).

Можно добавить и любовь к научному поиску, письменному столу, симпозиумам и библиотекам, к которым Зоя Ивановна питала особое пристрастие и куда отправлялась, как на любовное свидание. Удивительным образом ее мысли сумел сформулировать Евгений Водолазкин: «Сотни тысяч книг, собранных в одном месте, имеют свою энергию. Подобно тому, как океаны определяют погоду, значительные книжные собрания способны формировать личность. Говорят ведь, что даже движение вдоль книжных полок само по себе благотворительно» (Водолазкин 2022: 125).

Столь же благотворное воздействие на читателей, без сомнения, окажут и произведения З. И. Кирнозе и Л. Б. Лихтермана (1931 г. р.), увидевшие свет в дни торжественного юбилея их авторов.

Список литературы / References

- Водолазкин Е. Чагин. Роман. М.: АСТ, 2022. [Vodolazkin, Evgeny. (2022) *Chagin. Roman* (Chagin. A Novel). Moscow: AST. (In Russian)].
- Кирнозе З. И. Былое-живое. М.: Изд-во Е. Ржевского, 2012. [Kirnoze, Zoya I. (2012) *Byloe-zhivoe* (The Living Past). Moscow: Izd-vo E. Rzhevskogo. (In Russian)].
- Кирнозе З. И. Франсуа Мориак. М.: Высшая школа, 1970. [Kirnoze, Zoya I. (1970) *Fransua Moriak* (Francois Mauriac). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Кирнозе З. И. Французский роман XX века (годы 20–30-е. Проблема жанра). Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1977. [Kirnoze, Zoya I. (1977) *Frantsuzsky roman XX veka (gody 20–30-e. Problema zhanra)* (A French Novel of XX Century (the 20–30s. A Problem of Genre)). Gorky: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)].
- Мориак Ф. Писатель и его создания. Нобелевская речь // Избранные произведения. М.: Панорама, 1997. С. 461–465. [Mauriac, Francois. (1997) *Pisatel' i ego sozdaniya. Nobelevskaya rech* (A Writer and His Creatures). In *Izbrannye proizvedeniya* (Selected Works). Moscow: Panorama, 461–465. (In Russian)].
- Kirnozé, Zoya. (1997) *Les motifs du péché et de la grâce dans les romans de Dostoïevski “L’Idiot” et de Mauriac “L’Agneau”*. P.: Sorbonne, le 6 octobre 1997. (In French).
- Lacouture, Jean. (1980) *François Mauriac*. P.: Seuil. (In French).